

ЛЕОПОЛЬД ИВАНОВИЧ ШРЕНК
(К 170-летию со дня рождения)

*Опубликовано: Курьер Петровской Кунсткамеры.
СПб., 1997. – Вып.6-7. – С.72-87*

Пожалуй, нет ни одного культурного человека в нашей стране, который не знал бы о существовании старейшего русского государственного музея — Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (бывшей Петровской Кунсткамеры), кто не стремился бы побывать в нем, увидеть его богатейшие уникальные этнографические, антропологические и археологические коллекции. Однако мало кто знает имя одного из инициаторов создания такого комплексного музея и первого его директора — Леопольда Ивановича Шренка, выдающегося ученого своего времени, организатора научной и музейной работы. Став во главе нового Музея, он вынужден был заниматься решением таких сложнейших вопросов, как получение новых экспозиционных площадей, строительство выставок, финансирование, пополнение новыми коллекциям», открытие музея для Широкого посетителя, организация охраны этнографических, антропологических и археологических предметов и т.д. Надо было заложить традиции, которые бы позволили Музею существовать и развиваться в дальнейшем. Вновь организованный Музей должен был обрести своего посетителя. Таким образом, речь шла о закладке основ, и с этой труднейшей задачей Л.И. Шренк успешно справился. Другие в дальнейшем уже пошли по проложенной им дороге. Его неутомимая разносторонняя деятельность на благо отечественной науки и просвещения еще ждет своего биографа. Мне бы хотелось этой короткой статьей почтить его память в год 170-й годовщины со дня его рождения.

Петр Леопольд Иванович фон Шренк родился 24 апреля (6 мая) 1826 г. в Харьковской губернии в семье поручика и помещика Иоганна Дитриха фон Шренка. Согласно правилам лютеранской церкви, 7 июня 1842 г. в Москве, в церкви Святого Михаила, он прошел конфирмацию. В этом городе прошло все его детство. Здесь в частном пансионате г-на Чермака он получил первое воспитание. Учился он в Юрьевском (Дерптском) университете, где окончил курс кандидатом и был награжден степенью магистра зоологии. Позднее, путешествуя по Германии, он совершенствовал свои знания в Берлинском и Кенигсбергском университетах. В последнем был удостоен звания доктора. В Дерпте началась его научная карьера. Очевидно, она складывалась весьма успешно, о научных достижениях и старательности молодого ученого стало известно даже в столице. Это объясняет тот факт, что в июле 1853 г. было принято решение о включении в предстоящую морскую экспедицию в Охотское море, к берегам Восточной Сибири и Русской Америки, «ученого по части ботаники и зоологии магистра Шренка», а в январе следующего года он был определен на службу при Императорской Академии наук в Санкт-Петербург с правами адъютанта (1).

В 1854—1856 гг. состоялась организованная Русским Географическим Обществом экспедиция на Амур и Сахалин для собирания зоологических, ботанических, этнографических, лингвистических и антропологических коллекций. Активную, деятельную помощь в организации этого важного и сложного предприятия, в том числе лично молодому Л.И. Шренку, оказал влиятельный тогда академик К.М. Бэр. В настоящее время в Архиве РАН в Санкт-Петербурге хранятся материалы этой поездки (2). Они убедительно свидетельствуют о плодотворной разносторонней научной деятельности Л.И. Шренка на Дальнем Востоке. Для науки важное значение и в наши дни имеют собранные им богатые

коллекции, бережно сохраняющиеся в Ботаническом и Зоологическом институтах РАН и в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН. Очевидно, во время этой экспедиции у молодого естествоиспытателя оформились этнографические интересы, которые с годами крепили и развивались (3).

После возвращения из экспедиции в Петербург 21 мая 1857 г. было назначено «магистру Шренку по 1000 рублей серебром в год с тем, чтобы он обязался заниматься изданием своего путешествия, продолжая считаться на службе при Академии на правах адъюнкта» (4). В июне того же года он обустроил и свою личную жизнь, женившись в Дерпте на Юлии Александровне фон Эттинген, дочери лифляндского помещика, бывшего предводителя дворян (5). Научная работа и организационная деятельность Л.И. Шренка развивалась в Академии весьма успешно, в связи с чем со 2 марта 1861 г. он был утвержден адъюнктом Императорской АН по Физико-Математическому отделению по специальности зоология, со 2 августа 1863 г. состоял экстраординарным, а с 4 июня 1865 г. — ординарным академиком (6). Молодого деятельного ученого Л.И. Шренка Академия сразу же стала привлекать к выполнению важных поручений. Так, в начале 60-х гг. он вместе с академиками Ф.Ф. Брандтом, К.М. Бэр, Г.П. Гельмерсеном и Ф.И. Рупрехтом вошел в состав комиссии, специально созданной для рассмотрения вопроса о предназначении академических музеев. Комиссия единодушно высказалась за целесообразность сочетания научно-исследовательских и широких просветительских функций академических музеев (7). С мая 1867 г. во время летнего отсутствия акад. Ф.Ф. Брандта Л.И. Шренк заведовал Зоологическим музеем.

14 января 1870 г. Императорское Русское Географическое Общество удостоило акад. Л.И. Шренка в своем годовом заседании Константиновской золотой медали — главной награды Общества за составленное им сочинение «Очерк физической географии Северо-Японского моря», напечатанное в XVI томе «Записок Академии» (7). Как один из авторитетных членов Академии наук в заседании Физико-Математического отделения 15 сентября того же 1870 г. он был избран в члены Комитета Правления Академии, в апреле 1871 г. был поставлен во главе академической типографии, а в январе 1877 г. его назначили членом Конференции Николаевской Морской Академии (9).

В конце 70-х гг. XIX в. акад. Л.И. Шренк выступил одним из самых активных сторонников единого Музея антропологии и этнографии на базе академических Анатомического и Этнографического музеев. Вместе с академиками А.А. Шифнером, А.А. Штраухом и Ф.В. Овсянниковым он работал в составе специальной Комиссии, назначенной Физико-Математическим отделением для изучения этого вопроса. Комиссия единодушно пришла к выводу, что недостатки раздельного существования Анатомического и Этнографического музеев «столь существенны, что лишают означенные Музеи всякой возможности дальнейшего развития. В особенности комиссия долгом считает остановиться на одном из них, — на разрозненности по этим двум музеям коллекций, которые по существу своему должны составлять одно целое. В самом деле, почти единственная коллекция, представляющая в настоящее время более чем один только исторический интерес, — это коллекция черепов разных народов, но интерес этот вовсе не анатомический, а, напротив, этнологический. С другой стороны, Этнографический Музей без краниологической коллекции, это, некоторым образом, то же, что дом без фундамента. Отсюда следует уже необходимость слить эти Музеи в один, или, другими словами, заменить их одним Музеем — по Антропологии и Этнографии. Таковы на самом деле Музеи, которые в настоящее время учреждены или учреждаются повсюду в Европе» (10). Комиссия также подчеркнула опасность отставания отечественного Музея от зарубежных в комплектовании музейных фондов. «Пополнение обширного пробела ученые мир ожидает от самой России, и кому как не Академии первой взяться за это дело?» (11) — таково было единодушное мнение членов Комиссии. Ученые всесторонне проанализировали направления деятельности Музея: по размещению и приведению в порядок всех коллекций, о помещениях и средствах, об открытии музея для публики (12). 5 декабря 1878 г. проходило заседание

Физико-Математического отделения, а через две недели, 19 декабря, — соединенное собрание Физико-Математического и Историко-филологического отделений Академии по обсуждению вопроса об учреждении при Академии особого Музея по Антропологии и Этнографии преимущественно России (13). Наконец, 22 октября 1879 г. решение Государственного Совета утвердил и велел исполнить Государь Император (14). Первым директором нового учреждения был назначен акад. Л.И. Шренк.

Характеристику вновь созданного академического Музея дал в своих воспоминаниях его хранитель Ф.К. Руссов: «Размещенный в двух разделенных улицей зданиях, лишенный рабочего кабинета, как в одном, так и в другом отделении, снабженный скудными средствами, ограниченный при наличности соединенных собраний двух музеев рабочими силами одного хранителя и одного служителя — вновь созданный Музей представлял в действительности довольно нескладный организм, который имел мало шансов на жизнеспособность, ибо сколько-нибудь решительное, фактическое преобразование в переполненных помещениях с самого начала было исключено» (15).

Основные усилия акад. Л.И. Шренка как директора МАЭ были направлены на получение новых музейных площадей. Эта задача, в конце концов, к 1887 г. была решена: Музеем в качестве выставочного помещения были выделены две залы на втором этаже флигеля, пристроенного по Таможенному переулку вплотную к старому зданию Кунсткамеры для русской библиотеки и соединенного с ним. Уже к этому времени количество предметов, прежде всего этнографических, было настолько велико, что большинство их не выставлялось, а хранилось в ящиках, где они могли подвергнуться порче. С получением нового помещения была развернута работа по фактической организации нового Музея. «В два года громадный труд переборки и перестановки всех коллекций и вообще устройства музея в новом помещении его был исполнен, и теперь только осуществилось на деле образование у нас Музея по Антропологии и Этнографии» (16). К концу сентября 1889 г. на новых площадях открылась первая экспозиция, воплощавшая идею триады наук о человеке: в двух залах подряд последовательно показывались антропологические, археологические и этнографические коллекции (17). По замыслу Л.И. Шренка, новый Музей по существу предстал перед посетителями как Музей антропологии, археологии и этнографии, соответствовавший лучшим образцам западноевропейских аналогов. Этнографическое отделение строилось по географическому принципу и подразделялось на 5 отделов: России, Азии, Африки, Австралии и Америки. В экспозиции по возможности полно были показаны занятия, быт и культура, включая религиозные верования народов России и других регионов. Важно отметить, что на этнографической экспозиции были предприняты удачные попытки создания витрин, построенных по типологическому принципу. Отнюдь не случайно известный путешественник, этнограф и антрополог А.В. Елисеев свой обзор Музея построил по этому принципу: Жилище. Одежда. Домашняя утварь. Оружие. Орудия житейской техники. В последнем преимущественно рассматривались музыкальные инструменты (18). В антропологическом отделении были выставлены древности каменного и бронзового веков; человеческие черепа и скелеты совместно со снятыми с живых людей масками, все вместе представляющими разнообразные типы человеческих рас. Нельзя не признать, что предложенный акад. Л.И. Шренком и его коллегами план построения экспозиции был тщательно продуман и по существу лег в основу последующих музейных поисков в МАЭ.

23 сентября 1889 г. вновь устроенный Музей осмотрел президент АН великий князь Константин Константинович (19). Однако работы по доделкам продолжались, и директору МАЭ приходилось добывать на это необходимые суммы. Так, в заседании Физико-Математического отделения 27 февраля 1890 г. акад. Л.И. Шренк представил счета за произведенные в Музее слесарные, стекольные и малярные работы (20). Для регулярного приема широкой публики МАЭ открылся только весной 1891 г., когда его директор акад. Л.И. Шренк добился выделения необходимых средств для найма охранных служителей в экспозиционные залы (21).

Учитывая острый недостаток, а порой и отсутствие средств для закупки коллекций, Л.И. Шренк всеми мерами способствовал пополнению музейных фондов путем дарения (22). Так, в 1883 и 1886 гг. в дар МАЭ принес собранные им японские и китайские предметы ученый хранитель Зоологического Музея И.С. Поляков. В 1886 и 1891 гг. в Музей передал свои собрания по племенам Новой Гвинеи выдающийся путешественник и ученый Н.Н. Миклухо-Маклай. В 1890—1893 гг. в МАЭ поступали коллекции от известного хакасского ученого Н.Ф. Катанова по сойотам (тувинцам) Урянхайского края — первые урянхайские предметы в Музее, сагайцам и татарам (хакасам) Минусинского края, сартам (уйгурам) Восточного Туркестана. Среди дарителей имена Императора Николая II, князя Э.Э. Ухтомского, русского консула в Урге Я.П. Шишмарева, профессора И.П. Минаева, барона О.Р. Штакельберга, политического ссыльного Д.А. Клеменца и многих других людей разных сословий. В 1888 г. через Л.И. Шренка пожертвовал музею предметы буддийского культа из Монголии акад. Г.П. Гельмерсен. В 1890 г. в МАЭ поступила ценная сахалинская коллекция от тюремного врача П.И. Супруненко, о которой Л.И. Шренк доложил 23 октября в заседании Физико-Математического отделения (23). Сам акад. Л.И. Шренк в разные годы подарил Музею собранные им самим ценнейшие уникальные коллекции по гилякам (нивхам), гольдам (нанайцам), орочам, ульчам, айнам и якутам. В 1854 г., в период кратковременной остановки в Перу, он организовал раскопки в районе г. Лимы нескольких древних погребений, сборы из которых поступили в Этнографический Музей. Это первое в России, хотя и небольшое, собрание перуанских древностей (60 предметов, 9 черепов), включает в свой состав памятники культур мочика, чиму, чанкай. Акад. А.А. Шифнер в 1859 г. отмечал, что в свое время по своей научной значимости это была одна из лучших коллекций и могла соперничать с наиболее представительным собранием Копенгагенского Музея.

Известность Музея привлекала и зарубежных дарителей. Так, в 1883 г. свою коллекцию по папуасам северо-западного и юго-западного берегов Новой Гвинеи передал в МАЭ капитан голландского флота Питер Сван. В 1887 г. чиновник голландской службы кавалер де Стюрлер пожертвовал МАЭ ценную этнографическую коллекцию, собранную им в голландских колониях. В письме от 5 марта 1890 г. он препроводил еще ряд исследований в рукописи (8 названий) (24). Принесенные в дар коллекции были отмечены на экспозиции особыми надписями на красном фоне. Ф.К. Руссов справедливо отмечал: «Развитию музея немало содействовали крупные частные пожертвования, поступившие с 1879 г., со времени образования музея, как от русских собирателей, так и от иностранцев» (25). В организации этого вида пополнения фондов музея немалая заслуга, несомненно, принадлежит Л.И. Шренку. Необходимо также вспомнить, что при выделении самостоятельных музеев из состава Кунсткамеры отдельные этнографические предметы и даже коллекции попадали не по назначению. И, став директором МАЭ, Л.И. Шренк продолжил работу по воссоединению этнографических собраний. Так, в 1883 г. из Египетского Музея возвратились наконец некоторые бывшие кунсткамерные предметы, в том числе археологические.

Его преемник акад. В.В. Радлов через год после вступления в должность директора МАЭ признавал: «Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей по этнографии и антропологии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций... Кто знает затруднительное положение, в котором находился этот Музей, ...может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов» (26).

Л.И. Шренк с пользой для МАЭ знакомился с опытом работы родственных зарубежных музеев. Так, с 25 марта 1884 г. он был командирован Академией за границу на один месяц «для присутствия в качестве делегата от России на международном орнитологическом конгрессе, имеющем быть от 4 до 11 апреля с.г. в Вене и для осмотра этнографических и антропологических музеев в Вене, Лейпциге и Берлине, а также Венской Государственной типографии» (27).

Естественно, пристальное внимание, которое Л.И. Шренк уделял делам МАЭ, довольно

сильно отвлекало его от научной деятельности, прежде всего обработки материалов дальневосточной экспедиции. В 4 томах они были первоначально опубликованы на немецком языке (28), а затем этнографическая часть этой работы на русском языке в 1883—1903 гг. в 3 томах (29). Впервые в научной этнографической литературе Л.И. Шренк дал подробное описание хозяйственной деятельности, культуры и быта народов амурсахалинского региона. В этой монографии он особое внимание уделил выявлению взаимосвязей между культурами и народами этого далекого края, при широком использовании этнографических, лингвистических и других материалов и сравнительно-этнографического метода. До Л.И. Шренка наука не располагала столь полными и подробными сведениями об этническом составе народов Дальнего Востока. Он предложил первую классификацию тунгусо-маньчжурских языков. Самостоятельную научную ценность представляет составленная им этнографическая карта Нижнего Приамурья. Л.И. Шренку принадлежит термин «палеоазиатские народы», предложенный им впервые для обозначения древнейшего населения северо-восточной Азии. О непреходящей ценности исследования Л.И. Шренка свидетельствует тот бесспорный факт, что оно и в наши дни является настольной книгой исследователей этнографии, антропологии и археологии Дальневосточного края. Сохраняют значение для истории науки его идеи. Так, интересуясь вопросами этнической истории Сибири, он обращал внимание на важность изучения следов пребывания древних юкагиров, живших некогда по Яне, Индигирке, Колыме и их притокам и ушедших оттуда на север, в том числе и на лежащие в Ледовитом океане острова, под давлением надвигавшихся на них тунгусов и якутов, а затем и русских пришельцев. Раскрытие этих следов по своему значению для антропологии и этнологии он сравнивал с изучением вымерших животных для зоологии (30).

Научно-исследовательская, музейная и организаторская деятельность Л.И. Шренка поощрялась Императором: он удостоивался орденов Святого Владимира 4 степени (апрель 1857 г.) и 3 степени (март 1871 г.), Святого Станислава I степени (январь 1877 г.). Кстати, напомним, что по российским законам обладатель ордена Владимира получал право на обретение титула потомственного дворянина. В октябре 1871 г. Уральское общество любителей естествознания избрало его своим почетным членом. За рубежом также отмечались научные достижения акад. Л.И. Шренка: он был избран почетным членом Венского Орнитологического Общества (февраль 1882 г.), Итальянского общества антропологии, этнологии и сравнительной психологии во Флоренции (май 1884 г.), Географического общества в Берлине (1889 г.) и Антропологического общества в Вене (март 1893 г.); он состоял членом-корреспондентом Американского общества орнитологов (сентябрь 1883 г.) и Антропологического общества в Вене (1890 г.).

В ноябре 1884 г. Л.И. Шренк тяжело заболел, в связи с чем в 1885 г. имел длительное лечение в г. Лугано (Швейцария). В том же году АН обратилась к Министру народного просвещения с письмом, в котором дана развернутая характеристика и оценка деятельности акад. Л.И. Шренка для России: «Ординарный Академик Императорской Академии наук по части зоологии Действительный Статский советник Шренк, состоя около тридцати двух лет на службе по Академии, сперва в качестве ее путешественника для исследования Охотского моря, берегов Восточной Сибири и бывших русских владений в Америке, в течение этого времени оказал своею деятельностью многосторонние и важные услуги науке, доставившие его имени громкую известность во всех ученых кругах Европы, как одного из лучших знатоков зоологии, физической географии и антропологии. Многочисленные его сочинения, появившиеся преимущественно в изданиях Академии, обогатили означенные отрасли знания новыми фактами и выводами, в особенности такими, которые относятся до природы различных малоисследованных частей России. В числе этих трудов, по единогласному признанию всего ученого мира, самым важным должно считаться многотомное сочинение об Амурском крае, основанное на сделанных г. Шренком во время его путешествия туда в 1853—1857 годах наблюдениях и на собранных там естественно-исторических и этнографических коллекциях, составивших весьма важное приращение для Музея Академии.

Сочинение это раскрыло перед ученым миром физические условия, фауну, флору, инородческий быт и языки одной из любопытнейших окраин Империи, в ту пору, когда эта страна, будучи только что присоединена к нашим владениям, еще не утратила ничего из своих отличительных особенностей. Отличаясь богатством содержания и превосходною разработкою собранных в нем данных, по всей справедливости должно быть признано одним из наиболее ценных вкладов в ученую литературу новейшего времени.

Независимо от кабинетных ученых трудов, к заслугам г. Шренка следует отнести его работы об учреждении при Академии особого Музея этнографии и антропологии и управление этим Музеем, который, благодаря его попечениям, получил стройный систематический порядок и значительно пополнился коллекциями, представляющими важные данные для изучения различных племен и их быта, преимущественно же народов России...» (31).

В литературе нередко цитируют слова известного путешественника, этнографа и врача А.В. Елисеева, которые обычно трактуются как свидетельство малой популярности МАЭ среди жителей Санкт-Петербурга. Действительно, он оставил нам ценное описание Музея, предварив свои размышления о «музее человеческой культуры» такими словами: «Среди многочисленных музеев нашей северной столицы самым меньшим вниманием публики пользуется этнографический музей Академии наук, о самом существовании которого многие из образованных даже людей едва ли и подозревают; между тем этот музей, занимающий весьма скромное помещение, в сравнении с пользующимся громкой известностью зоологическим музеем, носящий еще с петровских времен название Кунсткамеры, заслуживает гораздо большего внимания публики уже по одному тому, что он посвящен не животным, а "царю создания" — человеку» (32). Понятна позиция ученого коллеги, отдающего предпочтение музею человека и его культуры и переживающего его меньшую известность по сравнению с Зоологическим музеем. Очевидно, сказывалась ориентация интересов горожан того времени. Но едва ли можно согласиться с его категорическим утверждением о том, что даже среди образованных людей многие и не подозревают о существовании музея. Следует согласиться с мнением известной исследовательницы истории музея Т.В. Станюкович: «Этнографический музей Академии наук пользовался значительной популярностью» (33). Посещаемость его в период 1857—1864 гг. составляла в среднем по 10 000 чел. в год, в 1872 г. — 41 132, за 11 месяцев 1873 г. — уже 61 270 чел., хотя в этих сведениях не учтены «сотни воспитанников и воспитанниц высших и средних учебных заведений, ежегодно посещавших музеи в сопровождении своего начальства в дни, не назначенные для впуска публики (34). Для сравнения также замечу, что в Москве Политехнический Музей в 1873 г. посетило только 12 552 чел., а открытый в 1883 г. Исторический Музей ежегодно в первое десятилетие его существования посещали 39 000 чел (35).

Теперь, зная об исключительно большой музейной деятельности Л.И. Шренка, едва ли целесообразно вспоминать (если бы они не были опубликованы!) слова Д.Н. Анучина, считавшего, что Л.И. Шренк в основном увлекался собственной научной работой... в области лингвистики в ущерб музейной (36). Конечно, деятельность Л.И. Шренка на посту директора МАЭ заслуживает специального подробного рассмотрения, но непререкаемым остается вывод о большом значении ее для отечественной культуры на этом поприще. Справедливо высокую оценку научным заслугам Л.И. Шренка дал Л.Я. Штернберг: «Шренк поистине может быть назван Колумбом этнографии Приамурского края» (37).

Скончался тайный советник, академик Леопольд Иванович фон Шренк 8(20) января 1894 г. на службе, прослужив в Академии 40 лет 5 месяцев и 19 дней. Жил он в доме Академии, что на 7-й линии Васильевского острова. Отпевали его в лютеранской церкви Святой Екатерины (угол 1-й линии и Большого проспекта Васильевского острова) 12(24) января. Похоронен на лютеранской части Смоленского кладбища.

В день похорон память покойного коллеги почтило Физико-Математическое отделение Императорской Академии наук. На его заседании прочувственную речь произнес академик

Ф.В. Овсянников, в которой он, в частности, сказал следующее: «Сегодня напутствовали молитвою на вечный покой Л.И. Шренка... России каждый раз выпадала счастливая доля при введении цивилизации во вновь приобретаемые для расселения страны делать богатые вклады в сокровищницу наук, посылая ученые экспедиции для всестороннего исследования края. Первые исследователи новой страны всегда пожинают самую богатую научную жатву. Их имена неразрывно сливаются с этою страной и остаются известными отдаленному потомству. К таким именам пионеров науки принадлежит и имя Леопольда Ивановича. Он сделал много интересных наблюдений в Приамурском крае и привез оттуда ценные коллекции, значительная часть которых была обработана им самим.

Леопольд Иванович помимо зоологических и этнографических трудов обогатил науку еще точными метеорологическими наблюдениями, произведенными им в Приамурском крае. Доктор Фриче, напечатавший в 1877 г. сборник метеорологических наблюдений под заглавием «Климат Восточной Азии», говорит, что, если бы он не ознакомился с трудами Леопольда Ивановича, его собственные исследования были бы не полны. Он продолжает, что, кроме метеорологических исследований, знакомящих нас, в главных чертах, с климатом мало исследованных стран, наука обязана академику Шренку и другим замечательным трудом, в котором изложены довольно сложные условия течений Охотского и Японского морей. Выяснить себе причины особенностей климата Восточной Азии возможно только после изучения течений в океане, омывающем... берега этой страны.

С именем Леопольда Ивановича связано будет не только воспоминание о вышеназванных и многих других научных трудах, но и об основании при нашей Академии Антрополого-этнографического музея, составленного неусыпными трудами нашего высокоуважаемого товарища. В Музее собраны за короткое время такие сокровища, которые послужат богатым и интересным материалом для целого ряда научных работ, помимо их широко-культурного значения для народа.

Было время, когда Леопольд Иванович принимал самое деятельное участие в делах Академии. Он состоял членом Комитета Правления (ныне Правления Академии), заведовал типографией, был членом многих академических комиссий. Он всецело отдавался служению науке и интересам Академии. Дела, в которых принимал участие, он изучал самым добросовестным образом, взвешивая все обстоятельства до малейших подробностей; поэтому и мнение, им высказываемое в совещательных собраниях, пользовалось вполне заслуженным уважением.

В государстве, подобном России, где по воле Провидения все идет к развитию и совершенству, на место отходящих в вечность, в силу бытовых и физиологических условий, становятся ученые, еще более подготовленные к научным исследованиям, обладающие новыми методами и большею энергиею и рабочею силою; тем не менее, имена выдающихся ученых всех времен никогда не могут утратить своего значения. Имя Леопольда Ивановича Шренка как доброго, честного, хорошего товарища будет жить в нас, пока мы живы сами, труды же его передадут дорогое нам имя отдаленному потомству как талантливого, глубоко образованного ученого...» (38).

Друзья и коллеги Л.И. Шренка приняли на себя нелегкий труд по подготовке к изданию его исследований. 26 января Непременный секретарь академик Н.Ф. Дубровин доложил Физико-Математическому отделению, что после смерти академика Л.И. Шренка оказалась не доведенная им до конца печатанием статья «Алеутская подземная юрта». Было решено держание корректур этой статьи возложить на ученого секретаря Этнографического музея Ф.К. Руссова под наблюдением академика Ф.Б. Шмидта (39).

9 марта в четвертом заседании отделения академик Ф.Б. Шмидт зачитал следующее представление: «После смерти Л.И. Шренка осталась рукопись с продолжением этнографической части его путешествия в Амурский край. Рукопись эта составляет начало 3-го выпуска или второй половины его труда (*Reisen und Forschungen im Amurlande, ethnographischer Theil, zweite Hälfte. Grundzüge der Familien — sozialen — und inneren Lebens*) и включает в себе три оконченные или почти оконченные главы. Первая обнимает семейные

отношения инородцев Амурского края, преимущественно гиляков, вторая трактует о социальных и политических отношениях этих племен; третья же глава осталась без заглавия: она не окончена, но в ней мы находим подробное описание медвежьего праздника и вообще культа медведя у гиляков и других племен. Надо полагать, что в этой главе и в следующих за нею следовало ожидать вообще изложение религиозных верований и обрядов гиляков. В печати выйдут из рукописи примерно 10 листов. Кроме рукописи, имеются еще около 25 таблиц (уже оплаченных и сданных в типографию), относящихся к названным уже главам, особенно к медвежьему празднику и, кроме того, к похоронным обрядам. Консерватор Этнографического музея Ф.К. Руссов готов составить объяснения к этим таблицам по дневникам Л.И. Шренка, содержащим, как видно, еще довольно много материала, из которого г. Руссов может извлечь главную сущность не написанных еще автором глав обширного труда. Он же готов взять на себя и корректуру всего издания.

Кроме того, я должен указать, что, согласно ранее состоявшемуся постановлению Академии, печатается перевод на русский язык второго выпуска вышеназванной этнографической части путешествия Шренка. Перевод взяла на себя С.А. Никитенко, дочь нашего покойного академика. По смерти Л.И. оказались отпечатанными первые 4 листа, теперь окончены уже 6 листов, и по примерному расчету будет еще около 20 печатных листов. Сличение перевода и корректуру печатных листов обязательно взял на себя под моим наблюдением вышеупомянутый Ф.К. Руссов как знакомый с предметом и хорошо знающий оба языка. Но труд его не малый, особенно сличение перевода требует много времени. Поэтому я имею честь просить о назначении г. Руссову вознаграждения по пяти рублей за лист. Сумму эту я прошу в вознаграждение ему за корректуру немецкого оригинала третьего выпуска, за составление объяснений к таблицам и за редакцию дополнительных к тексту статей» (40). Отделение одобрило прошение академика Ф.Б. Шмидта.

Хочу обратить внимание на факт спешной и бескорыстной работы Ф.К. Руссова, который всего за два месяца, прошедших после кончины Л.И. Шренка, проделал такую без преувеличения колоссальную трудоемкую работу по ознакомлению с научным архивом покойного, по выявлению недостающих и необходимых для печатания материалов. Он это делал совершенно бескорыстно; вопрос о вознаграждении ему за все труды поставил перед отделением Ф.Б. Шмидт. Как хорошо известно, третий том исследования Л.И. Шренка был успешно подготовлен к печати и благополучно доведен до издания, благодаря самоотверженности и благородному служению науке его коллег.

Имя и дела Л.И. Шренка навсегда вписаны в историю Российской Академии наук, ее старейшего музея — ныне Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (41).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН), ф.4, оп.4, ед.хр. 668, л.6, 16, 21.
2. Там же, ф.93, оп.1, ед.хр. 1. 1853—1854 гг. Дневник путешествия. 7 тетрадей, 228 л.; ед.хр. 5. 1854—1856 гг. Естественно-исторические и этнографические заметки во время пребывания в Николаевском порту. 2 тетради, 87 л.; ед.хр. 6. 1855г. Путешествие на О.Сахалин и в часть Маньчжурии. 2 тетради, 116 л.; ед.хр. 7. 1855 г. Путешествие по разным частям Маньчжурии. 4 тетради, 118 л.; ед.хр. 8. 1856 г. Путешествие на о. Сахалин. 2 тетради, 62 л.; ед.хр. 16. 1854—1856 гг. Словарь языка айно. 24 л.; ед.хр. 17. 1854—1856 гг. Словарь гиляцкого языка. 35 л.; ед.хр. 18. Тогда же и то же. 10 л.; ед.хр. 43. 1885 г. Краткий отчет Л.И. Шренка о своем путешествии на Дальний Восток. 9 л.
3. Во время дальневосточной экспедиции Л.И. Шренк собрал значительный оригинальный полевой этнографический материал, который лег в основу его исследований об инородцах Амурского края. Так, в его «Кратком отчете» за 1855 г. содержались подробные сведения о строительстве лодок из кедра и лиственницы, о рыбном и зверином промыслах. Там же, ед.хр. 43. 10 л.
4. Там же, ф.4, оп.4, ед.хр. 668, л.33.
5. Там же, л.39.
6. Академия наук СССР. Персональный состав. М., 1974. Кн.1. 1724—1917.С.63. Статьи о Л.И. Шренке имеются в основных энциклопедиях и энциклопедических словарях на русском языке.

7. Записки Императорской Академии наук. СПб., 1863. Т.3. Кн.1. С.56—75.
8. ПФА РАН, ф.4, оп.4, ед.хр. 668, л.72, 84.
9. Там же, л.99, 107, 129.
10. Там же, ф.2, оп.1(1878), ед.хр. 6, л.5.
11. Там же, л.7.
12. Там же, л.8.
13. Там же, л.9.
14. Там же, л.14, 15. Т.В. Станюкович в книге «Этнографическая наука и музеи», с.110, ошибочно называет 10 ноября 1897 г. как дату постановления Государственного Совета об учреждении МАЭ. Однако Государственный Совет согласился с предложением Министерства Народного просвещения об устройстве такого музея еще 12 мая 1879 г. Его решение утвердил и велел исполнить Государь Император Александр II 22 октября. Обо всем этом Министр Народного Просвещения граф Д.А. Толстой сообщил Президенту Императорской Академии наук. 10 ноября 1879 г. состоялось заседание Физико-Математического отделения, на котором официально было объявлено о создании Музея по антропологии и этнографии преимущественно России. ПФА РАН, ф.2, оп.1(1878), ед.хр. 6, л.14—16.
15. *Russow E.* Beiträge zur Geschichte der ethnographischen-anthropologischen Sammlung der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zur St.-Petersbourg // Сб. МАЭ. 1900. Т.I. С.3. Упомянутые в приведенной цитате один хранитель и один служитель — это два штатных сотрудника Музея, обеспечивавшихся жалованием. Директор Л.И. Шренк получал обеспечение от Академии как ординарный академик. Хранитель — это сам Федор Карлович Руссов (1826—1906). С 1865 г. он хранитель, с 1874 г. — ученый хранитель Этнографического Музея, с 1879 г. — Музея по антропологии и этнографии. Служитель — Прокофий Саминов работал при Музее с 1882 г. О них подробнее см.: *Петри Е.Л.* Федор Карлович Руссов. Первый Ученый хранитель Музея Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук // Сб. МАЭ. 1911. Т.I, вып.Х; *Станюкович Т.В.* Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого // Сб. МАЭ. 1964. Т.ХХII. С.75—77; *Шафрановская Т.К.* Первый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Сб. МАЭ. 1980. Т.ХХХV. С.224—228.
16. ПФА РАН, ф.1, оп.1а(1890), ед.хр. 137, л.44—45.
17. Подробнее см.: Путеводитель по Музею Императорской Академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891. 70 с.
18. *Елисеев А.* Из истории культуры. Очерк. Обзор Этнографического и Антропологического Музея Императорской Академии наук (с 26-ю рис. с фот. К.К. Гильзена) // Нива. 1895. № 11 — 19 (Отд. оттиск: СПб., 1895. 69 с).
19. ПФА РАН, ф.1, оп.1а(1890), ед.хр. 137, л.45.
20. Там же, л.60 (обр. ст.).
21. Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Т.П. 4.1. СПб., 1917. С.245.
22. Материалы о поступлении коллекций в период директорства Л.И. Шренка собирались мною в отделах МАЭ по инвентарным книгам и каталогам.
23. ПФА РАН, ф.1, оп.1а(1890), ед.хр. 137, л.112-113. Об этой коллекции см.: Каталог международной тюремной выставки. СПб., 1895; *Полевой Б.П.* Сахалинская коллекция П.И. Супруненко // Вестник Сахалинского Музея. № 2. Южно-Сахалинск, 1995. С.144—155.
24. ПФА РАН, ф.1, оп.1а(1890), ед.хр. 137, л.150.
25. Путеводитель по музею... С.П.
26. ПФА РАН, ф.1, оп.1а(1895), ед.хр. 142. Историко-филологическое отделение, § 48.
27. ПФА РАН, ф.4, оп.4, ед.хр. 668, л.151. В этом же архиве хранятся черновики «Донесения Л.И. Шренка в Академию наук об осмотре этнографических и антропологических музеев в Дрездене, Лейпциге, Берлине, [Вене]. 1884 г. 5 л. См. там же, ф.93, оп.1, ед.хр. 49.
28. *Schrenk L.* Reisen und Forschungen im Amurlande in den Jahren 1854—1856. S.-Pb., 1858—1895. О путешествии Л.И. Шренка подробнее см.: *Алексеев А.И.* Ученый-натуралист // Исследователи Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1961. С.18—39; *Пармузин Ю.П.* Л.И. Шренк // Вопросы географии Дальнего Востока. Сб.6. Хабаровск, 1963. С.336—339.
29. *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. XI—III. СПб., 1883—1903. 17 ноября 1883 г. вице-президент Императорской АН граф Д.А. Толстой вручил Государю Императору изданную первую часть сочинения Л.И. Шренка об инородцах Амурского края, в связи с чем автору была передана 25 ноября благодарность Государя. Об этом см.: ПФА РАН, ф.4, оп.4, ед.хр. 668, л.151.
30. Об экспедиции, снаряженной Императорскою Академиею наук на Новосибирские острова и в Приянский край. Речь академика Л.И. Шренка в публичном заседании Императорской Академии наук 29 декабря 1885 г. СПб., 1885. С.20.
31. ПФА РАН, там же, л.173.
32. *Елисеев А.* Из истории культуры... С.3.
33. *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи... С.104.

34. ПФА РАН, ф.2, оп.1(1873), ед.хр. 8, л.79—85.
35. Подробнее см.: *Поздняков Н.Н.* Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып.1.М., 1957. С.131; *Разгон А.М.* Российский Исторический Музей // Там же. Вып.П.М, 1960. С.291.
36. *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи... С.120. К сожалению, автор не указывает, где и когда опубликовано это мнение московского профессора. Достойно сожаления и то обстоятельство, что сама Т.В. Станюкович не рассмотрела сколько-нибудь подробно и не проанализировала многогранную и давшую обильные положительные результаты музейную деятельность Л.И. Шренка на посту директора МАЭ.
37. Цит. по: *Алексеев А.И.* Ученый-натуралист... С.38.
38. ПФА РАН, ф.1, оп.1а(1894), ед.хр. 141, л.63, 64.
39. Там же, л.74.
40. Там же, л.93.
41. О деятельности акад. Л.И. Шренка в МАЭ также см: *Решетов А.М.* Музей антропологии и этнографии РАН в последней четверти XIX—первой четверти XX века. Проблемы создания и реорганизации // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. Т.1. СПб., 1997. С.18-24.